

Валдайские
записки

#10 | Февраль 2015

Двойной кризис Европы:
логика и трагедия
главенствующего положения
Германии в современном мире

Алан Кафруни

Кризис еврозоны послужил катализатором процессов неравномерного развития и политической фрагментации Европы. Валютный союз, некогда считавшийся кардинальным прорывом для европейской интеграции, превратился при немецком лидерстве, по меткому наблюдению Филиппа Леграна, в «фискальный колониализм еврозоны» (Legrain, 2014). Из-за снижения конкурентоспособности Франции и неприятия навязанных Германией налогово-бюджетных правил, дало трещину франко-немецкое партнерство, которое с начала 1950-х годов было главной движущей силой европейской интеграции. Германия пользуется практически неоспоримой властью в еврозоне. Судя по реакции ЕС на войну на Украине, очевидно, что Германия также стала доминирующей политической силой Евросоюза.

В этой статье речь пойдет об истоках и эволюции двух взаимосвязанных кризисов, которые в настоящее время охватили европейский континент: первый кризис связан с угрозой распада валютного союза, а второй кризис выражается в ужесточении соперничества за господство в Европе после «завершения эпохи, начавшейся с окончанием ‘холодной войны’» (Тренин, 2014). Хотя истоки и логика этих двух кризисов разные, их объединяет одно: и в том, и в другом случае главную роль играет Германия.

Немецкое государство, капитал и кризис еврозоны

Проект по обеспечению в Западной Европе стабильного роста, полной занятости и социальной защиты в послевоенный период был основан на Бреттон-Вудской системе фиксированных валютных курсов, стратегической целью которой было развитие экспорта в США. Однако эта система со временем распалась и был осуществлен переход на плавающий валютный курс. Одновременно развивались мобильные, транснациональные финансовые рынки, замкнутые на Уолл-Стрит. В свете этих изменений европейский проект оказался устаревшим. Стало очевидно, что вся Европа уязвима перед лицом валютной обособленности США. С ростом неустойчивости финансовой системы все более явно стала проявляться проблема неравномерности развития стран Западной Европы. Германия и раньше славилась превосходством своей промышленности, а в контексте воссоединения Западной и Восточной Германии, это стало серьезным испытанием для франко-немецких отношений, и, соответственно, для ЕС в целом.

Решение о создании Экономического и валютного союза (ЭВС) было принято в силу ряда геополитических и экономических факторов, не последним из которых было стремление Франции на момент подписания Маастрихтского договора сдержать развитие вновь объединенной Германии и восстановить хотя бы частично контроль над своей денежно-кредитной политикой. Однако создание валютного союза без создания единой федеральной финансовой системы неизбежно привело к торжеству неолиберализма, что стало определяющим фактором «повторного запуска» или начала «второго» европейского проекта (Сагуну, Рупер, 2007). Как это ни парадоксально, во многих слоях немецкого общества многие изначально выступали против создания ЭВС, однако, в итоге эта структура обеспечила воплощение в жизнь модели экспортного меркантилизма, тем самым усилив экономическую мощь Германии.

С конца 1990-х гг. немецкий капитал неустанно сокращал издержки и проводил меры жесткой экономии. Эти инициативы были тесно связаны с экспортной деятельностью и стратегией по

содействию прямым иностранным инвестициям. При создании цепочки поставок «Германия – Центральная Европа» (IMF, 2013) была охвачена вся территория Центральной и Восточной Европы, что стало залогом глобальной конкурентоспособности экспортной модели Германии (Gross, 2013). Вхождение в ЕС ряда новых стран с 2004 г. обеспечило более надежную институциональную и правовую основу для создания такой зоны под эгидой Германии.

После воссоединения двух Германий в стране была проведена серия реформ и «наступлений работодателей» (Kinderman, 2005), в результате чего снизились затраты на рабочую силу на единицу продукции. Согласно предложенной Герхардом Шредером программе реформ «Повестка 2010», пособие по безработице и объем социальной помощи были сокращены, что нарушило установившуюся в послевоенный период связь между экспортным ростом, увеличением зарплат и развитием внутреннего рынка (IMF, 2007; Vïbow, 2009). Развитие экономики Германии находится в «структурной зависимости от зарубежного спроса» (Tilford, 2010, p. 6). По валовой стоимости экспорта Германия уступает лишь Китаю, и то не намного. Кроме того, профицит счета текущих операций составляет почти 3%, что является «самым высоким показателем в истории финансовых рынков» (Saravēlos, 2014). Именно этим во многом обусловлен кризис еврозоны (U.S. Dept. of the Treasury, 2013; OECD, 2014). В силу существования ЭВС другие страны еврозоны не могут девальвировать свои валюты для повышения конкурентоспособности по отношению к немецкой марке, как это бывало до 1992 г. и будет, в случае распада еврозоны. Таким образом, экспортный меркантилизм Германии является одновременно причиной и следствием стагнации, поскольку страны с дефицитом вынуждены проводить внутреннюю девальвацию. То есть, «использование евро стало для Германии политикой «решения своих проблем за счет других», при этом в первую очередь заплатить пришлось немецким трудящимся» (Lapavitsas et al., 2012, p. 30).

Реакция ЕС на кризис

Тот факт, что банковский кризис 2009 г. начался на фоне сохранения неравномерности развития европейских стран, которая была присуща им со времен распада Бреттон-Вудской системы, значительно затруднил преодоление кризиса. Изначально, членство в ЭВС считалось защитой стран-должников от валютных кризисов, поскольку позволяло искусственно сохранять стоимость заемных средств на низком уровне. В то же время, как было отмечено ранее, членство в еврозоне лишает стран-участниц возможности провести девальвацию курса национальной валюты для повышения конкурентоспособности. В Португалии, Италии, Ирландии, Греции и Испании наблюдался стремительный рост задолженности населения из-за структурного дефицита счета текущих операций, обусловленного ростом сальдо торгового баланса Германии. Соответственно, росли и риски банков Германии и других крупнейших стран еврозоны. Бывший глава Бундесбанка Карл Отто Поль охарактеризовал пакет мер по спасению экономики Греции следующим образом (Spiegel, 2010):

«Речь шла о защите от списания долгов немецких, и, в особенности, французских, банков. В день согласования пакета мер по спасению экономики Греции, стоимость акций французских банков выросла на 24%... Становится понятно, для чего это было сделано: для спасения банков и богатых греков».

По мере роста разницы между ставками по облигациям Германии и периферийных стран еврозоны в них стали вводить меры жесткой экономии. Таким образом, банки получили доступ к государственному финансированию, однако, за эти чрезвычайные выплаты приходилось платить по запредельным ставкам. С 2010 г. был принят ряд программ для спасения экономик стран-должников. Кульминацией этих инициатив стало сделанное в июле 2012 г. председателем ЕЦБ Марио Драги заявление, в котором он пообещал «сделать все возможное» для предотвращения роста ставок по облигациям. Избежать полномасштабного кризиса, объявления дефолтов и выхода стран-должников из еврозоны удалось за счет обобществления значительной части частного долга. Однако меры жесткой экономии, которыми сопровождалась реализация программ спасения экономики, привели к углублению кризиса и его распространению за пределы финансового сектора на реальную экономику и общество в целом. Продолжение такой политики обрекает страны, находящиеся на периферии еврозоны, на годы стагнации. В 2014 году Греция смогла добиться первичного профицита бюджета за счет целого комплекса мер неолиберального толка. В результате объем экономики сократился с 2008 по 2013 гг. на 23,5%, а инвестиции просели на 58%. По состоянию на конец 2014 г., уровень безработицы составлял 27%, а безработица среди молодежи достигала 60% (Eurostat, 2014). Программа спасения экономики Греции и продажа новых выпусков облигаций позволили Греции привлечь дополнительные средства по относительно высокой ставке, в результате чего долговая нагрузка и соотношение долга к ВВП продолжили расти. При этом системное решение стоящих перед экономикой страны проблем найдено так и не было. Совокупный долг Греции составлял в апреле 2014 г. 320 млрд евро и продолжит расти в будущем. В 2013 г. объем экспорта из Греции в абсолютном выражении снизился (Eurostat, 2014).

В других странах Южной Европы складывается не менее драматичная ситуация, хотя проблема дефолта и выхода из еврозоны стоит там не так остро, как в Греции. В мае 2014 г. Португалия объявила о выходе из программы финансовой помощи МВФ и ЕС, в результате чего совокупный долг страны вырос с 93% до 129% ВВП, а система социального обеспечения «снизилась до максимальных пределов». В частности, в 2013 г. уровень безработицы достиг 16,5% (Financial Times, 2014). С 2008 г. экономический спад в Италии составил 9%, а производство сократилось на 25% (Banca d'Italia, 2014). Уровень безработицы в октябре 2014 г. достиг максимального значения за всю историю наблюдений, составив 13,2%. К марту 2014 г. в восьми странах ЕС наблюдалась дефляция, в других одиннадцати странах МВФ выявил «ультранизкую инфляцию», то есть инфляцию ниже 0,5%, а уровень безработицы в еврозоне достиг 12% (Eurostat, 2014; Economist, 2014). Проблемы роста безработицы и дефлирования долга постепенно перекидываются с южных, периферийных, на северные, то есть, ведущие страны Европы. В ноябре 2014 г. уровень безработицы во Франции достиг рекордного уровня в 10,5% (3,5 млн человек), а французскому правительству теперь приходится выслушивать поучения о необходимости финансовой дисциплины от немецких министров, которые раньше позволяли себе такие заявления только по отношению к итальянцам и грекам. Под давлением со стороны Германии в ноябре 2014 г. Еврокомиссия потребовала выполнения «фискального пакта», согласно которому бюджетный дефицит должен быть сокращен до 3% ВВП, а государственный долг до 60% ВВП, хотя Франции, Италии и Бельгии была предоставлена трехмесячная отсрочка. Тогда же, в ноябре 2014 г., председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер торжественно объявил о создании 300 миллиардного инвестиционного фонда

«последней надежды». Однако на бюджетные средства из этой суммы приходится всего 21 млрд евро, что позволило журналу *Economist* (2014: р. 38) назвать предложение Юнкера «несуразным», а самого политика назвать «средневековым алхимиком». ЕЦБ объявил о намерении начать политику количественного смягчения. Однако Берлин так и будет держать его на коротком поводке.

Варианты действий Германии

Таким образом, неравномерность развития является как причиной, так и следствием кризиса еврозоны. Это совершенно очевидно подтверждается парадоксальной и беспрецедентной ситуацией с участием МВФ в преодолении кризиса еврозоны, которая в целом постоянно показывает профицит торгового баланса и счета текущих операций. Многочисленные наблюдатели предлагают Германии взять на себя роль «добровольного гегемона», наподобие того, как США действовали в рамках Бреттон-Вудской системы после 1945 г. (см. напр.: Soros, 2012; Varoufakis, 2013, Maier, 2012; Blyth and Matthijs, 2011; *Economist*, 2013). Берлин призывают способствовать созданию в Европе подлинного фискального союза на основе кейнсианской модели экономики, включая банковский союз, который бы функционировал под надзором ЕЦБ, содействовать созданию системы страхования банковских вкладов, превращению ЕЦБ в полноценного «кредитора последней инстанции» и выпуску еврообондов. Такие меры создали бы институциональную основу для отказа от мер жесткой экономии за счет стимулирования экономического роста Германией. За такие меры выступают все за исключением Брюсселя и Берлина, включая, ОЭСР, Вашингтон, Пекин и, в отдельных случаях, МВФ.

Реализация такого проекта потребовала бы огромных ресурсов. В отказе Германии взять на себя роль «добровольного лидера» в первую очередь обращает на себя внимания не столько мощь немецкой экономики, сколько фундаментальная ограниченность этой мощи и ее уязвимость в любом из возможных сценариев. С одной стороны, стратегия Германии по пошаговому урегулированию кризисов за счет предоставления экстренной помощи и навязывания мер жесткой экономии обходится все дороже. С 2008 по 2013 гг. Бундесбанк выделил 874 млрд долларов межбанковской кредитной системе Target2, по которой он все еще несет ответственность. С мая 2010 г. по июнь 2012 г. ЕЦБ выкупил суверенных облигаций на сумму более чем в 250 млрд евро, а теперь намеревается потратить на это еще 1 триллион евро. «Обобществление» долга с помощью еврообондов могло бы стать важнейшим и в перспективе популярным инструментом управления долговым рынком. Причины, вынудившие Германию категорически отказаться от разделения ответственности с другими странами еврозоны, становятся понятны на примере идеи о создании долгого фонда в размере 60% ВВП или 3 триллионов евро. Ведь в случае введения системы страхования вкладов финансовые обязательства Германии тоже бы значительно выросли. Неслучайно, Германия наложила вето на это решение, проявив «грубую политическую силу» (Spiegel, 2014). К 2013 г. госдолг Германии достиг 81,5% ВВП (Eurostat, 2014). Искусственная инфляция привела бы к росту дефицита бюджета и долга, и ограничила бы возможности по рекапитализации все еще неокрепшей банковской системы. Рост зарплат привел бы к росту издержек на единицу рабочей силы, тем самым подрывая конкурентоспособность на международном рынке.

Евробонды несут в себе субъективные риски, что значительно повысит стоимость их выпуска. Кроме того, растет популярность партий - так называемых евроскептиков, а также движений, выступающих за отказ Германии от дальнейшего участия в спасении других стран от дефолтов. Ведущая финансовая газета Германии Handelsblatt назвала Маастрихтский договор «Версальским мирным договором без войны» (2010). Наконец, Германия может столкнуться с множеством структурных проблем в долгосрочной перспективе, включая чрезвычайно низкие темпы экономического роста в будущем, снижение численности населения и негативные последствия от снижения в течение нескольких лет государственных инвестиций (Fratzcher, 2014). Все эти факторы вызывают недовольство среди населения Германии. При условии сохранения уровня безработицы на относительно низком уровне (6,6% по состоянию на ноябрь 2014 г.), Германия продолжит настаивать на отказе от заимствований в 2015 г. и постарается ограничить политику количественного смягчения. Если же, с другой стороны, уровень безработицы вырастет, Германия будет с еще большим рвением сопротивляться предложениям по оказанию материальной помощи менее состоятельным странам ЕС. Таким образом, Германия слишком слаба, чтобы стать «добровольным гегемоном» Европы, но имеет достаточно сил для того, чтобы продолжить навязывать другим странам еврозоны политику жесткой экономии.

Учитывая, что против реализации комплексной политики на основе теории Дж. М. Кейнса выступает Германия, а политическое влияние левых сил в настоящее время снижается, ЕС скорее всего сделает выбор в пользу модели экспортно-ориентированного роста за счет проведения дальнейших мер по реформированию рынка труда, умеренного расширения политики количественного смягчения под пристальным надзором ортодоксального в фискальных вопросах Берлина, и дальнейшей дерегуляции, возможно, в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), рьяным сторонником которого выступает Ангела Меркель. Действительно, углубление трансатлантической интеграции, вне зависимости от того, примет ли она форму ТТИП или нет, станет для Европы следующим логичным шагом в сторону нелиберальной консолидации в продолжение Единого европейского акта (ЕЕА) и ЭВС (см. ниже). Движение в этом направлении представляет собой попытку ЕС решить проблему стагнации за счет повышения конкурентоспособности на основе модели экспортного меркантилизма Германии. Такое решение имеет также важные геополитические последствия. Однако эта стратегия основана на экспорте на мировой рынок, темпы роста которого снижаются. По сути, речь идет об экспорте дефляции. Таким образом, это приведет к распространению в глобальном масштабе всех вышеупомянутых проблем и противоречий еврозоны.

Геоэкономика и геополитика

Оборотной стороной проявления Германией категоричности при решении экономических вопросов в ходе кризиса еврозоны стала более решительная позиция страны по внешнеполитическим вопросам, в частности, по отношению к России в контексте войны на Украине. Соответственно, встает более фундаментальный вопрос об основах европейской и евроатлантической военно-политических структур. Действия в ходе кризиса обострили противоречия между государствами и, в целом, привели к углублению кризиса самого Евросоюза. Это совпало с отказом от ряда франко-германских проектов в ядерной отрасли и военно-промышленной сфере, включая неудавшуюся попытку объединить британской ВАЕ и

франко-немецкий концерн EADS в 2012 г. и последовавшее углубление интеграции военно-промышленных комплексов США и ЕС (Саfrуny, 2009). Несмотря на согласование в рамках Лиссабонского договора внешнеполитической архитектуры ЕС и создание собственного дипломатического аппарата ЕС, реализация Общего курса в сфере внешней политики и безопасности и Общей политики безопасности и обороны не принесла каких-либо положительных результатов при попытках решения основных проблем в области безопасности.

В результате, пошли разговоры о становлении более независимой внешней политики Германии в контексте формирования многополярного мира. Среди экспертов в области внешней политики установилось мнение, что «Германии придется все чаще и сильнее проявлять лидерство» (SWP-GMF, 2014) и отказаться от «культуры сдержанности», которой характеризовалась ее внешняя политика с 1945 г. (Sonne, 2014). Судя по решению Ангелы Меркель о введении санкций вопреки интересам немецких экспортеров и продолжающимся спорам между проамериканскими и пророссийскими силами в Германии (Tagesspiegel, 2014a, 2014b), война на Украине разрушила, казалось бы, незыблемый консенсус по вопросу о необходимости поддержания партнерских отношений с Россией и попыток смягчить конфронтационный настрой США как это было, например, в ходе российско-грузинской войны 2008 г.

Размышляя об изменении соотношения сил в Европе, а также культурных сдвигах в Германии, Ханс Кунднани (2014) пишет о «пост-западной внешней политике Германии» и тектоническом сдвиге в отношениях между ведущими мировыми державами:

«... пост-западная Германия могла бы увлечь за собой и другие страны Европы, особенно те страны Центральной и Восточной Европы, чья экономика наиболее тесно связана с Германией. В случае выхода из ЕС Великобритании, что сейчас обсуждается, другие страны с еще большей вероятностью последуют за Германией, особенно в том, что касается отношений с Россией и Китаем. Тогда позиции Европы и Соединенных Штатов могут разойтись, что может привести к расколу западного мира, который может навсегда утратить свое единство».

По мнению Кунднани и других исследователей (в том числе Wallerstein, 2014), такой сдвиг обусловлен как экономическими, так и культурными причинами. По их мнению, Германия все больше зависит от рынков быстроразвивающихся стран. В то же время, в европейском и немецком обществе растут антиамериканские настроения, что отчасти является результатом разоблачения деятельности разведслужб США в Германии. Кризис на Украине привел к росту пророссийских настроений в немецком обществе. Все эти тенденции вкупе с сопротивлением санкциям показывают, что проамериканская политика Германии может закончиться с уходом с поста канцлера Ангелы Меркель (см. также Schlapentokh, 2014). Иван Цветков (2014) следующим образом охарактеризовал расчеты Владимира Путина: «В случае открытой конфронтации между Россией и Западом, давние противоречия между США и Европой станут еще более глубокими; Европа даже может перейти на сторону России». Однако идея отказа Германии от политики атлантизма представляется нереалистичной в силу ее несоответствия основополагающим экономическим и политическим интересам страны.

Тем не менее, структура внешнеторговой деятельности Германии постепенно меняется. Спустя два десятилетия после подписания Маастрихтского договора основным экспортным рынком Германии остается ЕС, на который в 2013 году приходилось 59% общего объема внешней торговли. Однако, доля экспорта в страны еврозоны снизилась с 2008 по 2011 гг. с 43% до 41%, тогда как доля экспорта в страны Азии выросла с 12% до 16%. Хотя основным торговым партнером Германии остается Франция, ее доля в экспорте из Германии существенно снизилась за последние двадцать лет с 13,2% до 9,6% (DWStatis, 2014). В настоящее время Китай привлекает больше прямых иностранных инвестиций из Германии, чем Франция, и вскоре может стать вторым по значимости торговым партнером Германии, опередив Соединенные Штаты. Китай стал крупнейшим рынком сбыта немецкой машиностроительной техники, на которую приходится почти половина экспорта из Германии в Китай. Эти данные показывают, что между Китаем и Германией развиваются «особые отношения» за рамками ЕС (Kundnani, Parello-Plesner, 2013).

Как отметила Сьюзан Уоткинс (2014: р. 6), со времен Делосского союза претендующий на лидерство в федерации субъект должен обладать «не менее чем третью демографических, экономических и военных ресурсов» всей федерации. На Германию приходится около 17% населения ЕС и ВВП, тогда как по военной мощи страна существенно уступает Франции и Великобритании.

Изменение структуры внешней торговли Германии связано с ростом ее независимости от США. В 2003 г. Германия (наряду с Францией и Россией) была против войны США против Ирака. В марте 2011 г. Германия воздержалась при голосовании в Совете Безопасности по предложенной Великобританией, Францией и США Резолюции №1973 о введении «бесполетной зоны над Ливией», по сути, встав на сторону Китая и России. За исключением Сербии (1999) и Афганистана (2001-14), Германия отказалась от участия в каких-либо военных вторжениях НАТО, как реальных, так и предполагаемых, включая недавний отказ от участия в возможном вторжении в Сирию.

Несмотря на существенную зависимость от российских энергоресурсов и рост торговых и инвестиционных связей с Китаем, значимость трансатлантической экономики для Германии трудно переоценить. Это относится как к экспорту на рынок Северной Америки, а также к прямым иностранным инвестициям - ПИИ (Hamilton, Quinlan, 2013). На трансатлантическую экономику приходится 46% мировой экономики и треть мировых ПИИ. Потоки ПИИ между США и Европой на порядок превышают аналогичный показатель между Европой и Китаем. Соединенные Штаты остаются глобальным лидером в области технологических инноваций, а данные по динамике ВВП сильно преуменьшают сохраняющуюся, если не растущую, власть американского капитала (Starr, 2014), особенно в том, что касается соотношения с Китаем. В силу этого крупные немецкие компании и государство объективно заинтересованы и поддерживают ТТИП и связанное с ним Транс-Тихоокеанское торговое партнерство (ТТП). По мере того, как влияние ВТО снижается, эти соглашения могли бы стать важным рычагом влияния, как для США, так и для Германии при ведении торговых переговоров с Китаем, Россией и другими быстроразвивающимися странами. В настоящее время трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство в Европе сталкивается с активной оппозицией из-за его явной неолиберальной ориентации. Однако его поддержка крупными европейскими (и

немецкими) компаниями показывает, что атлантизм сохраняет огромное значение для Германии.

Пожалуй, атлантизм еще больше укоренился в сфере геополитики, поскольку в этой области основные интересы Германии и Соединенных Штатов совпадают, в частности в том, что касается их отношений с Россией. Воссоединение Германии было совместным проектом США и Западной Германии, который был осуществлен вопреки активному противодействию со стороны Франции, Соединенного Королевства и вынужденному согласию доживавшего последние дни Советского Союза. В течение непродолжительного периода, последовавшего за окончанием «холодной войны», даже рассматривалась возможность роспуска НАТО, однако, к середине 1990-х гг. Соединенные Штаты перешли к более активной стратегии, включавшей расширение НАТО за пределы западноевропейского ядра на Балканы и в сторону нефтегазовых месторождений и трубопроводов Средней Азии, Ближнего Востока и дальше. Немецкие фирмы вышли на рынки Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где они получили преференции от финансовых и промышленных структур, которые были денационализированы и приватизированы в рамках «шоковой терапии», а в дальнейшем в соответствии с концепцией «достояния сообщества» (*acquis communautaire*) ЕС. В отношениях между Германией и Россией также установилось разделение труда практически колониального типа: Россия отчасти превратилась в рынок сбыта промышленных товаров и источник сырья, что стало возможно в результате проведенной в России приватизации и промышленного спада 1990 х гг.

Вопреки утверждениям российских обозревателей, включение Украины в сферу влияния ЕС/НАТО вовсе не являются попыткой США укрепить якобы пошатнувшийся атлантизм. В этом заинтересованы как Германия, так и Соединенные Штаты. Украина важна не только с точки зрения геополитики, но и как крупный рынок сбыта, источник недорогой и высококвалифицированной рабочей силы и как объект инвестиций. 27 июня 2014 г. президент Украины Петр Порошенко подписал соглашение о создании глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли с ЕС, которое является экстремальной версией шоковой терапии на Украине. Соглашение предусматривает устранение всех преград на пути торговли и капитала ЕС, включая предоставление услуг, приватизацию нефтяных и газовых трубопроводов и их продажу иностранным инвесторам (EU, 2014). Реализация соглашения приведет к значительному сокращению давних промышленных связей между Россией и Украиной. Учитывая несоразмерность экономик Украины и Западной Европы, компании ЕС (и в меньшей степени США) извлекут из этого соглашения большую выгоду. Ключевым элементом этого документа является либерализация инвестиций: в одном из своих первых законов новое правительство постановило, что 49% нефтяных и газовых трубопроводов страны должны быть приватизированы и проданы иностранным инвесторам.

Тот факт, что расширение ЕС проходило под эгидой НАТО, свидетельствует о том, что Европа (в том числе Германия) все еще находится в подчиненном положении по отношению к Соединенным Штатам. Являясь геоэкономической державой, Германия не обладает собственной военной мощью для того, чтобы наступать на Россию по спорным вопросам. Хотя Германия занимает третье место в мире по экспорту вооружений, уступая лишь Соединенным Штатам и России, военные расходы страны в результате глобального финансового кризиса снизились ниже 1,3% ВВП. Не исключено, что позиция Берлина стала для Франции

дополнительным аргументом в пользу полного возвращения в ряды сторонников атлантизма. В 2008 г. Франция вернулась в военные структуры НАТО и сыграла ведущую роль в военных и дипломатических операциях в Ливии, Сирии и Иране. В ходе Лиссабонского саммита НАТО в 2010 г. отношения между альянсом и ЕС были институализированы (НАТО, 2010). Германия обеспокоена ситуацией не только на Украине, но и в других регионах. После визита Владимира Путина в Сербию в ноябре 2014 г. ведущие немецкие политики заговорили об угрозе «появления в регионе нового конкурента в лице России». Канцлер Меркель заявила: «Речь идет не только об Украине, но и о Грузии. Если так пойдет и дальше, не пора ли начать беспокоиться о Сербии и Западных Балканах?» (Financial Times, 2014)

Заключение

Шестьдесят лет назад федеральный канцлер ФРГ Людвиг Эрхард заявил, что «внешняя торговля является, попросту говоря, ядром и основой нашего экономического и социального уклада» (Ash, 1994, p. 244). С тех пор политика и практика экспортного меркантилизма Германии принимали различную форму, однако, геоэкономический компонент или «логика конфликта», в которой «капитал играет роль огневой мощи, инновации в гражданских отраслях заменяют военно-технический прогресс, а уровень проникновения на рынки играет роль военных гарнизонов и баз» (Luttwak, 1990; см. также Kundnani, 2011), становятся все более явными.

Соответственно, навязывание другим странам еврозоны политики жесткой экономии нельзя считать только следствием немецкой уникальной истории и культуры, как многие считают (напр. Mazower, 2013; Ozment, 2012). На самом деле, речь идет о несоответствии структурных интересов немецкого капитала потребностям развития еврозоны в целом. Таким образом, решение вопросов денежно-кредитной политики в ЕС отражает состояние отношений между европейскими странами. Германия недостаточно сильна, чтобы возглавить проект по созданию стабильной и автономной Европы наподобие тому, как США обеспечили формирование Бреттон-Вудской системы. Этот кризис усиливается дезинтеграционным характером кризиса еврозоны, в результате чего зависимость ЕС от Соединенных Штатов растет. В настоящее время, учитывая текущее соотношение сил, инициатива по радикальному изменению сложившейся системы не может исходить от Брюсселя или Берлина, а только снизу за счет давления со стороны таких левых партий, как «Подemos» в Испании и «Сириза» в Греции. Нет сомнений, что трансформации такого характера и масштаба также обернутся кризисом, хотя и иного характера.

Хотя геополитический кризис не совпал со стратегическим отходом от атлантизма, высока вероятность нарастания тактических противоречий и конфликтов между западными странами по мере продолжения кризиса. В 2013 г. объем экспорта из ЕС в Россию составлял 264 млрд долларов против 11 млрд долларов экспорта из США. Отказ от строительства газопровода «Южный поток» дорого обойдется Болгарии, Сербии и Венгрии. Из-за стагнации европейской экономики санкции негативно сказываются не только на России, но и на Европе. США проводят политику конфронтации с Россией при практически полном отсутствии обсуждения этой проблемы в СМИ, правительственных и научных кругах. В то же время, не утратившие

своего влияния (и политической осторожности) пророссийские промышленные экспортеры продолжают выступать за смягчение позиции Берлина по отношению к России. Аналогичные тенденции наблюдаются во Франции и Италии. Однако основные контуры политики Запада вряд ли изменятся, что может обернуться еще более глубокими конфликтами между Россией и пока еще не утратившим своего единства американо-германским и трансатлантическим союзом.

Библиография

Ash, Timothy Garton (1994) *In Europe's Name: Germany and the Divided Continent* (New York: Vintage).

Banca d'Italia (2014) *Financial Stability Report Number 1*, May.

Bibow, Jorg (2009) "The Euro and its Guardian of Stability" in Levy Economics Institute, Working Paper No. 53 (New York: Levy Economics Institute).

Cafruny, Alan, Magnus Ryner (2007) *Europe at Bay: In the Shadow of US Hegemony* (Boulder Colo.: Lynne Rienner).

Cafruny, Alan (2009) "Geopolitics and Neoliberalism: U.S. Power and the Limits of European Autonomy" in Bastiaan van Apeldoorn, Jan Drahekoupil, and Laura Horn, eds., *Neoliberal European Governance and Beyond—The Contradictions and Limits of a Political Project* (London: Palgrave).

DWStatis (2014) "Germany's Most Important Trading Partners 2012"
<https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/ForeignTrade/TradingPartners/Current.html>

Economist (2013) "Europe's Reluctant Hegemon" June 15 <http://www.economist.com/news/special-report/21579140-germany>

Economist (2014) "Europe's Great Alchemist" November 29.
<http://www.economist.com/news/europe/21635053-jean-claude-junckers-kick-start-economy-rests-some-magical-thinking-europes-great>

Eurostat (2014) Eurostat, <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

European Commission (2014) "EU-Ukraine Deep and Comprehensive Free Trade Area" Brussels, June 27 http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/april/tradoc_150981.pdf

Financial Times (2014) "Germany Acts to Counter Russia's Balkan Designs" November 27.

Fratzcher, Marcel, (2014) *The Germany Illusion*, Institute for Economic Research, Berlin.

Gross, Stephen (2013) "The German Economy Today: Exports, Foreign Investment, and East-Central Europe" Center for European and Mediterranean Studies, New York University.

Hamilton, Daniel, Quinlan, Joseph (2013) *The Transatlantic Economy 2013: Annual Survey of Jobs, Trade, and Investment between the United States and Europe*, Center for Transatlantic Relations, Johns Hopkins University Paul Nitze School of Advanced International Studies.

Handelsblatt (2010) “Versailles Ohne Krieg” November 19
<http://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/merkels-europapolitik-versailles-ohne-krieg/3643258.html>

International Monetary Fund (2013) *German-Central Europe Supply Chain—Cluster Report*, IMF Multi-Country Report No. 13/263, Washington, D.C. (August)
<http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2013/cr13263.pdf>

Kinderman, Daniel (2005) “Pressure from Without: Subversion from Within: The Two-Pronged German Employer Offensive” *Comparative European Politics* 3.

Kundnani, Hans (2011) “Germany as Geo-economic Power” *Washington Quarterly*, 34,3 (Summer).

Kundnani, Hans (2015) “Leaving the West Behind: Germany Looks East” *Foreign Affairs* 94,1, January-February.

Kundnani, Hans, Parello-Plesner, Jonas (2012) “China and Germany: Why the Emerging Special Relationship Matters for Germany” (London: European Council on Foreign Relations).

Lapavitsas, Costas, et al (2012) *Crisis in the Eurozone* (London: Verso).

Luttwak, Edmund (1990) “From Geopolitics to Geo-economics” *The National Interest*, Summer.

Maier, Charles (2012) “Europe Needs a German Marshall Plan” *New York Times*, June 13, p. 23.

Matthias, Matthijs, Blyth, Mark, “Why Only Germany Can Fix the Euro: Reading Kindleberger in Berlin,” *Foreign Affairs*, November 17, 2011.

Mazower, Mark. (2013) “German Fear of History Jeopardizes Europe’s Future” *Financial Times*, July 18.

NATO (2010) *Lisbon Summit Declaration*, North Atlantic Treaty Organization, <http://www.nato.int>, November 20.

Ozment, Steven (2012) “German Austerity’s Lutheran Core” *New York Times*, August 12.

Saravelos, George (2014) *Euroglut: A New Phase of Global Imbalances*, Deutsche bank Market Research, October 6, <http://www.wiwo.de/downloads/10811792/1/Deutsche%20Bank-Prognose%20%22Euroglut%22>

Schlapentokh, Dmitry (2014) “Russia and Germany and the Chance for a Menage a Trois” *Russia in Global Affairs* September 23.

Sonne, Werner (2014) "The Culture of Restraint is No More: Germany is Ready for a Larger Role in the World" AIGS, February 3 <http://www.aicgs.org/issue/the-culture-of-restraint-is-no-more-germany-is-ready-for-a-larger-role-in-the-world/>

Soros, George (2012) "The Tragedy of the EU and How to Resolve It" The New York Review of Books, September 27, 2012.

Spiegel (2010) "Former Central Bank Head Karl Otto-Pohl" Spiegelonline, 5/18, <http://www.spiegel.de/international/germany>.

Spiegel (2013) "Brutal Power Politics: Merkel's Banking Union Policy Under Fire" Spiegelonline, Dec. 16 <http://www.spiegel.de/international/europe/criticism-in-brussels-german-banking-union-policy-under-fire-a-939314.html>

Starrs, S. (2014) "The Chimera of Global Convergence," New Left Review 87 April-May.

Tagesspiegel (2014a) "Nicht in Unserem Namen" December 5

Tagesspiegel (2014b) "Osteuropa Experten Sehen Russland als Aggressor" December 11.

Tilford, Simon (2010) "How to Save the Euro" Centre for European Reform, September.

Trenin, Dmitri (2014) "Russia's Break-Out from the Post-Cold War System: The Drivers of Putin's Course" Carnegie Moscow Center, December 22.

Tsvetkov, Ivan (2014) "Putin's Grand Experiment" Russia Beyond the Headlines, November.

United States Treasury (2013) Report to the Congress on International Economic and Exchange Rate Policies, October, Washington, D.C.

Varoufakis, Yanis (2013) "Europe Needs a Hegemonic Germany" Zed Books blog, <http://zed-books.blogspot.com/2013/02/yanis-varoufakis-europe>.

Wallerstein, Immanuel (2014) "The Geopolitics of Ukraine's Schism: A Potential Alliance of France, Germany, and Russia Haunts U.S. Strategists" Aljazeera America, February 15 <http://america.aljazeera.com/opinions/2014/2/ukraine-nuland-europeyanukovychputin.html>

Watkins, Susan (2014) "The Political State of the Union" New Left Review 90, November-December.

Алан Кафруни, Гамильтон колледж